

RUS' IN THE 9TH–12TH CENTURIES: SOCIETY, STATE, CULTURE

EDITED BY
N. A. MAKAROV
AND
A. E. LEONTIEV

MOSCOW – VOLOGDA
«DREVNOSTI SEVERA»
2014

РУСЬ В IX–XII ВЕКАХ

ОБЩЕСТВО, ГОСУДАРСТВО, КУЛЬТУРА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Н. А. МАКАРОВА
И
А. Е. ЛЕОНТЬЕВА

МОСКВА – ВОЛОГДА
«ДРЕВНОСТИ СЕВЕРА»
2014

Н. А. Плавинский

Вооружение западных земель Руси X – первой половины XI в.: становление древнерусской традиции и формирование региональных особенностей (по материалам с территории Беларуси)

Вооружение является одной из самых ярких категорий материальной культуры эпохи формирования Древнерусского государства. Как показали фундаментальные исследования А. Н. Кирпичникова, древнерусский комплекс вооружения складывался в результате смешения и трансформации западноевропейских, североевропейских и восточных (кочевых) военно-технических традиций (Кирпичников, 1966а; 1966б; 1971). Специальные оружейно-ведческие исследования последнего времени в основном посвящены отдельным категориям предметов вооружения IX–XI вв. либо оружию, найденному на определенном памятнике (памятниках) конкретного микрорегиона (например: Артемьев, 1982; Каинов, 2009; Kainov, 2012). Вместе с тем, не менее важным и перспективным представляется анализ комплекса вооружения крупных регионов формирующегося Древнерусского государства. Подобные исследования позволяют определить важнейшие региональные особенности в формировании древнерусского комплекса вооружения, что в дальнейшем поможет уточнить основные тенденции эволюции древнерусского вооружения.

Данная статья представляет собой попытку рассмотрения процесса сложения комплекса вооружения населения западных земель Руси. Под западными землями Руси понимается современная территория Беларуси, за исключением части Белорусского Понеманья (рис. 1), занятой в рассматриваемый период балтами, в первую очередь, населением культуры восточнолитовских курганов – летописной «литвой» (Лухтан, Ушинскас, 1988; Kurila, 2005, рав. 13). Очевидно, что очерченный регион является искусственным и не может полно-

стью соответствовать ни фиксируемым границам археологических культур, ни предполагаемым областям распространения влияния первых известных раннегосударственных центров. Вместе с тем, несмотря на искусственность очерченного региона, рассмотрение определенной категории предметов материальной культуры (в данном случае – находок вооружения) представляется целесообразным, в первую очередь, по источниковедческим соображениям. В настоящее время информация о новых археологических материалах или хранящихся в музеях коллекциях может быть собрана в более полном объеме в границах определенного государства, в нашем случае – Республики Беларусь.

Следует отметить, что находки предметов вооружения, относящиеся к эпохе, непосредственно предшествующей периоду сложения Древнерусского государства, в рассматриваемом регионе крайне немногочисленны. Так, к примеру, во всех погребальных комплексах культуры смоленско-полоцких длинных курганов (КСПДК) в Белорусском Подвинье найдено всего несколько наконечников стрел (курганские могильники Банонь (Эжимань), Глинице и Рудня Полоцкого р-на, Поречье (Бирули Докшицкого р-на), грунтовое погребение на городище Свила I Глубокского р-на (Ляўданскі, 1930, с. 186, табл. V: 6; Штыхаў, 1992, с. 120–121, мал. 36: 1–2, 67: 10; 2000, мал. 4: 28))¹. При этом сходная ситуация наблюдается и в других регионах славянского расселения в последних веках I тысячелетия н.э. Во

¹ Причем в указанных регионах памятники КСПДК следует рассматривать, скорее, не как предшествующие, а как частично синхронные процессу формирования Древнерусского государства (Енуков, 1990, с. 178; Плавинский, 2011, с. 129–131).

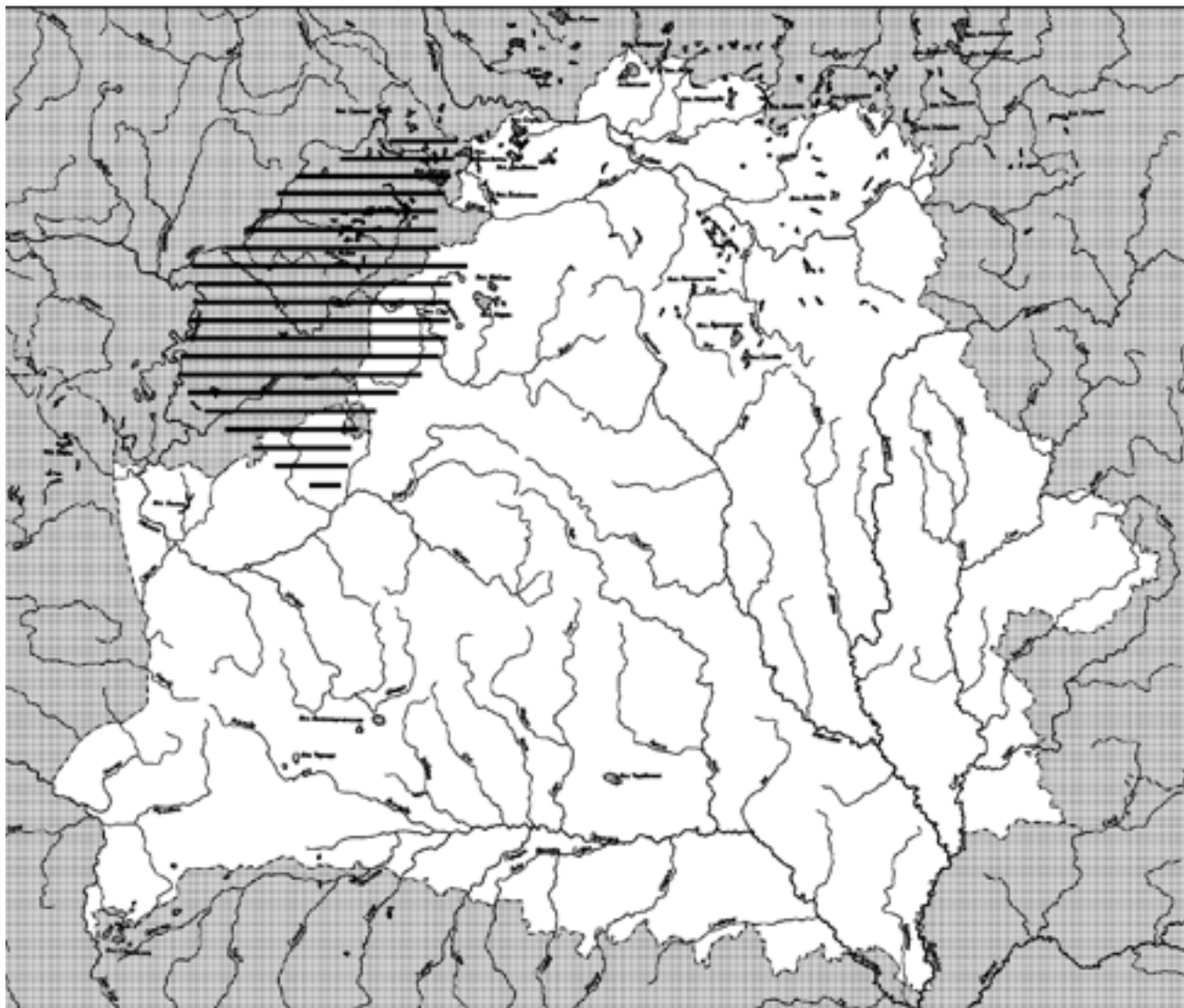


Рис. 1. Ареал культуры восточнолитовских курганов (по Л. Куриле) и современные границы Беларуси

многим это объясняется крайне слабой милитаризацией (точнее, практически полной «демилитаризованностью») погребального обряда славянского и славянизированного населения будущих западных земель Руси. Кроме того, находки предметов вооружения практически отсутствуют в культурных напластованиях городищ последней четверти I тысячелетия. Данный феномен требует отдельного рассмотрения, особенно на фоне представительных коллекций вооружения на памятниках третьей четверти I тысячелетия, таких как городище Нико-

димово (Седин, 2011), Хотомель (Кухаренко, 1961, табл. 8: 1-17, 22-24) и др.

Переломным моментом в истории вооружения населения современной территории Беларуси стал рубеж IX и X вв. Именно в это время резко возрастает количество археологических находок предметов вооружения и начинается широкое распространение ряда новых типов клинкового, колющего, рубящего и ударного древкового оружия и защитного вооружения. Это, очевидно, связано с процессом формирования в регионе дружинных традиций.

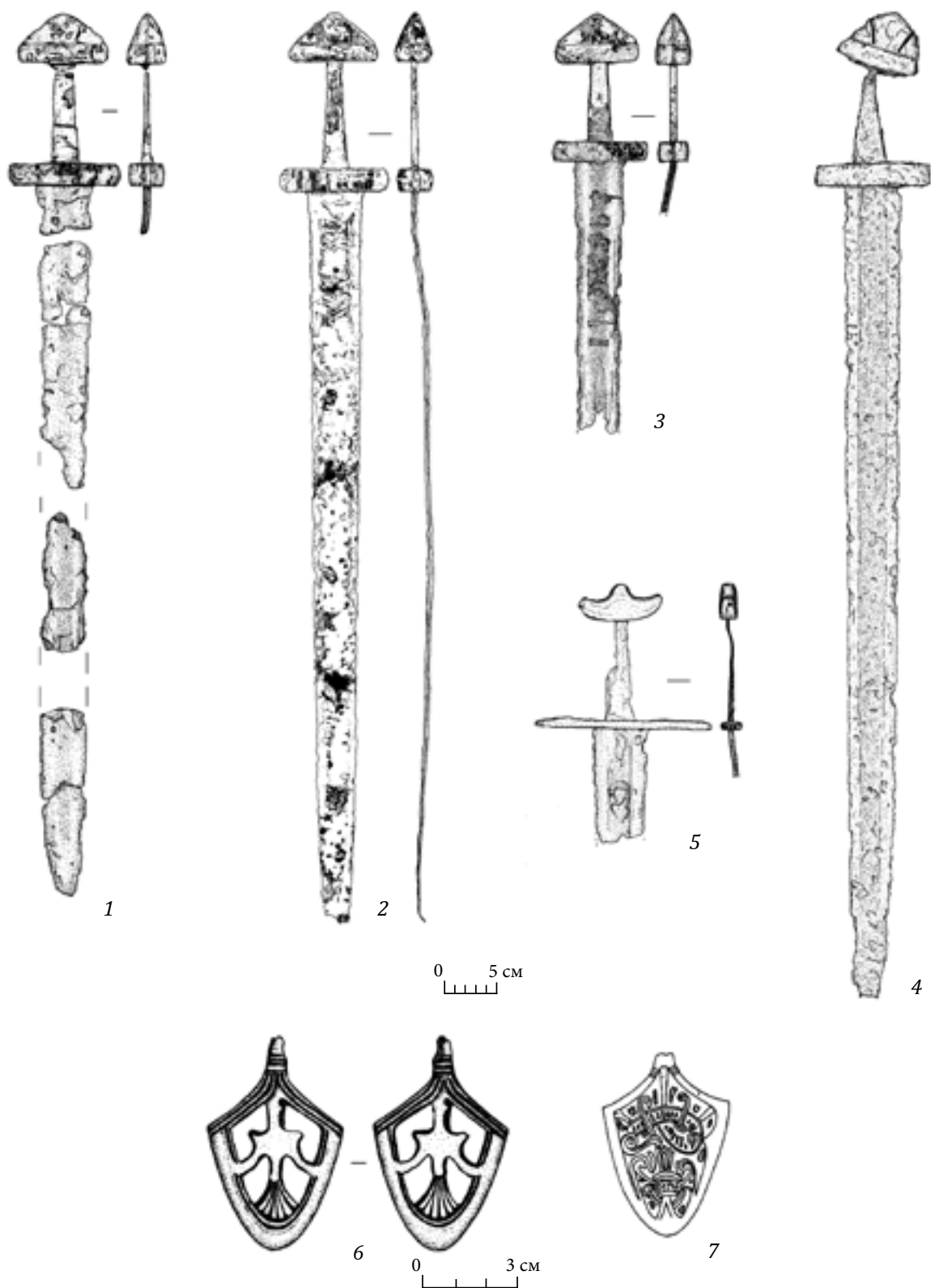


Рис. 2. Клинковое оружие конца IX – первой половины XI в. из западных земель Руси.
Мечи: 1 – Брили, 2 – Витебск, 3 – Руба, 4 – Полоцк, 5 – Гродно.
Наконечники ножен мечей: 6 – территория Беларуси, 7 – городище Франополь (Брестского р-на)
(1, 3 5–6 – рис. автора, 2 – рис. С. А. Бабенко, 4 – рис. И. И. Еремеева)

С конца IX–X в. в западных землях Руси фиксируется использование двулезвийных мечей общеевропейских типов (рис. 2: 1–5). Так, мечи *tuna H* по Я. Петерсену происходят из клада, найденного у деревни Брили Борисовского района Минской области, из Витебска и из-под деревни Руба под Витебском. В Полоцке найден меч *tuna V*, а в Гродно – фрагмент меча *tuna Y* (Плавинский, 2009, с. 13–19). На клинках мечей из-под Рубы и из Полоцка имеются клейма ULFBERHT. Подобные артефакты в Восточной Европе традиционно рассматриваются как элементы т.н. «северной вуали» (Лебедев, 1991, с. 301–304). Мечи, найденные в западных землях Руси, также концентрируются вдоль магистральных речных путей, проходивших по Западной Двине, Березине и Неману (Плавинский, 2009, мал. 11).

Коллекция клинкового оружия из западных земель Руси дополняется рядом наконечников ножен мечей (рис. 2: 6–7) северо-европейских типов второй половины X–XI в. (Плавинский, 2009, с. 38–39)².

К северо-европейским типам вооружения также могут быть отнесены отдельные находки топоров и наконечников копий. Топоры вероятного северо-европейского происхождения относятся к *tutu VI* по А. Н. Кирпичникову (Кирпичников, 1966б, с. 38–39). В рассматриваемом регионе известно всего 3 экземпляра топоров этого типа, происходящие из Полоцка, курганных могильников Заславль (Минского р-на (рис. 3: 1)) и Избище (Лагойского р-на), датировка которых может быть определена в рамках X–XI вв. (Плавинский, 2013, с. 33; Штыхов, 1975, рис. 9: 2; Штыхаў, 1992, с. 168, мал. 87: 3; 2008, с. 14, ил. 156: 4). Кроме того, с северо-европейскими военно-техническими традициями можно связать топоры индивидуальных форм из курганных могильников Дудовка (Плавинский, 2013, с. 30) и Проклятое Поле под Лукомлем (Штыхаў, 1992, мал. 50: 1; Плавинский, 2008, с. 218).

Копья северо-европейских типов представлены отдельными экземплярами с орнаментированными цветными и драгоценными металлами втулками – Волковыск (Дернович, 2006, с. 22, рис. 12) и курганный могильник Проклятое Поле под Лукомлем Чашникского р-на (Штыхов, 1978, рис. 56) (рис. 3: 2), а также ланцетовидными образцами. Ланцетовидные копья относятся к *tutu E* по Я. Петерсену (Петерсен, 2005, с. 59–61), которому соответствуют наконечники *tuna I* по А. Н. Кирпичникову с т.н. «готическим орнаментом» на втулке (Кирпичников, 1966б, с. 9, 12). Копья этого типа найдены на городище Кульбачино (Щучинского р-на), в курганных могильниках Устье и Рацкий Бор (Браславского р-на) и в окрестностях Минска (рис. 3: 3–6). Их датировка может

быть определена в рамках второй половины/конца X – начала/первой половины XI в. (Плавинский, 2007, с. 157–158).

Все эти наконечники найдены на балто-славянском пограничье (рис. 8: 1). Оттуда же и, в первую очередь, с западного пограничья Полоцкой земли происходит и серия наконечников копий ланцетовидной формы с неорнаментированной втулкой, которые, вероятно, имеют восточноевропейское происхождение (рис. 8: 2–4). Большинство из них может быть датировано второй половиной X – первой половиной XI в. Наконечники этой серии обычно меньше по размерам, чем классические копья типа E, и имеют иные соотношения пера и втулки (Плавинский, 2007, с. 158–161). В связи с этим необходимо отметить тот факт, что как классические копья типа E, так и ланцетовидные копья с неорнаментированной втулкой были широко распространены в Юго-Восточной Прибалтике. В особенности, это касается ланцетовидных наконечников с неорнаментированной втулкой (Kazakevičius, 1998, p. 30; 1999). Поэтому, говоря о распространении ланцетовидных наконечников копий на пограничье западных земель Руси, следует иметь в виду то, что они не столько свидетельствуют об использовании северо-европейских типов оружия и их дериватов в комплексе вооружения региона, сколько могут рассматриваться как проявление балто-славянских военно-технических контактов.

Очевидно, что находки клинкового, обухового и древкового оружия северо-европейских типов крайне немногочисленны по сравнению с другими типами. Кроме того, их распространение (кроме мечей) приходится на вторую половину – середину X в. – период, когда эти типы оружия уже прочно вошли в собственно древнерусский воинский обиход. Поэтому их интерпретация как артефактов северо-европейского происхождения *sensu stricto* не совсем правомерна. Вероятно, более корректно рассматривать подобные предметы уже в контексте синкретичных по своему характеру древнерусских дружинных древностей.

Отдельно следует остановиться на находках ланцетовидных наконечников стрел. На данный момент в западных землях Руси их выявлено порядка 100. Можно выделить два региона, где найдено более всего ланцетовидных наконечников, – Белорусское Подвинье и Понеманье (рис. 4: 1). Из 61 наконечника из Подвинья 52 происходят с территории всего двух археологических комплексов – Лукомль и Прудники (рис. 4: 2–8). Причем большинство из них погнуто либо поломано – несет на себе следы использования. Можно говорить о том, что стрелы из этих памятников, как и из ряда других, попали в культурные слои в результате боевого применения во второй половине X – начале XI в. (Плавинский, 2013). При этом очевидно, что у местного населе-

² К сожалению, в последние годы количество находок наконечников ножен резко возросло. Однако происходят эти артефакты из коллекций «черных копателей», что не позволяет с полной уверенностью установить места их обнаружения.

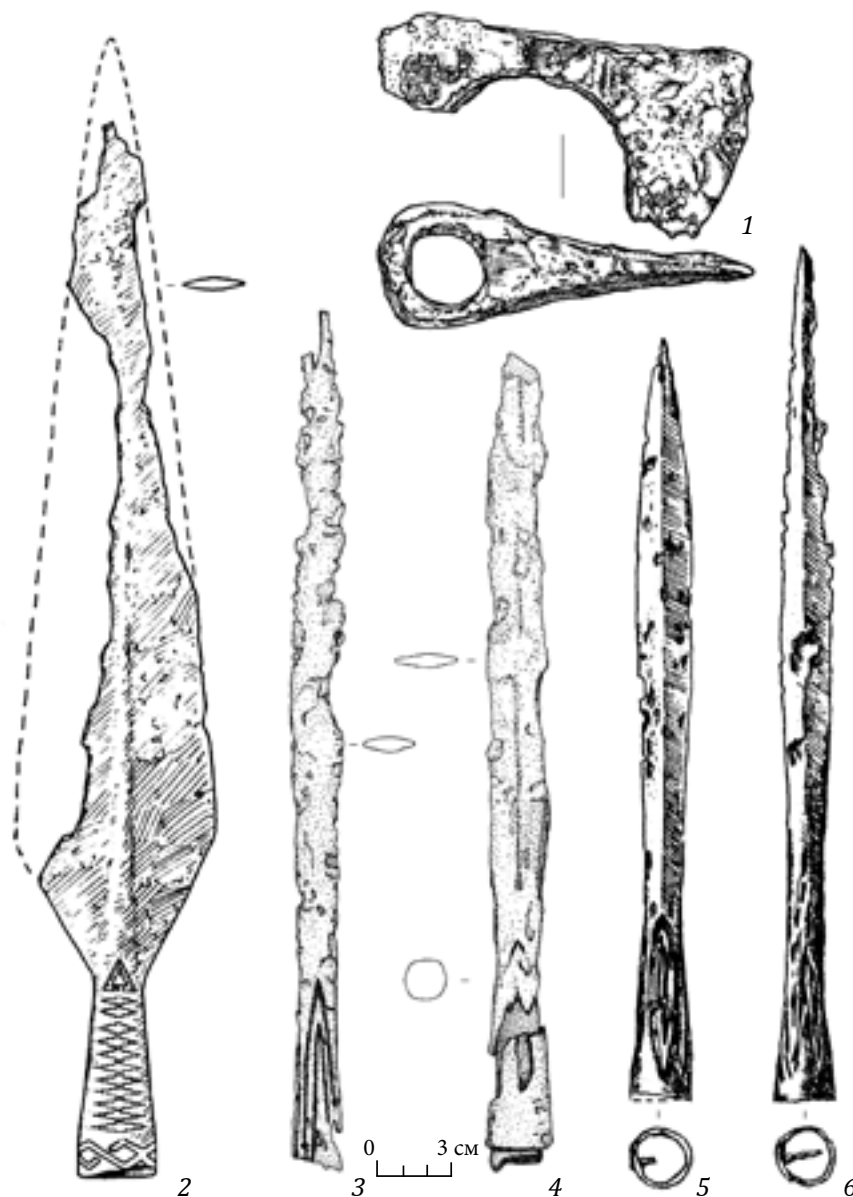


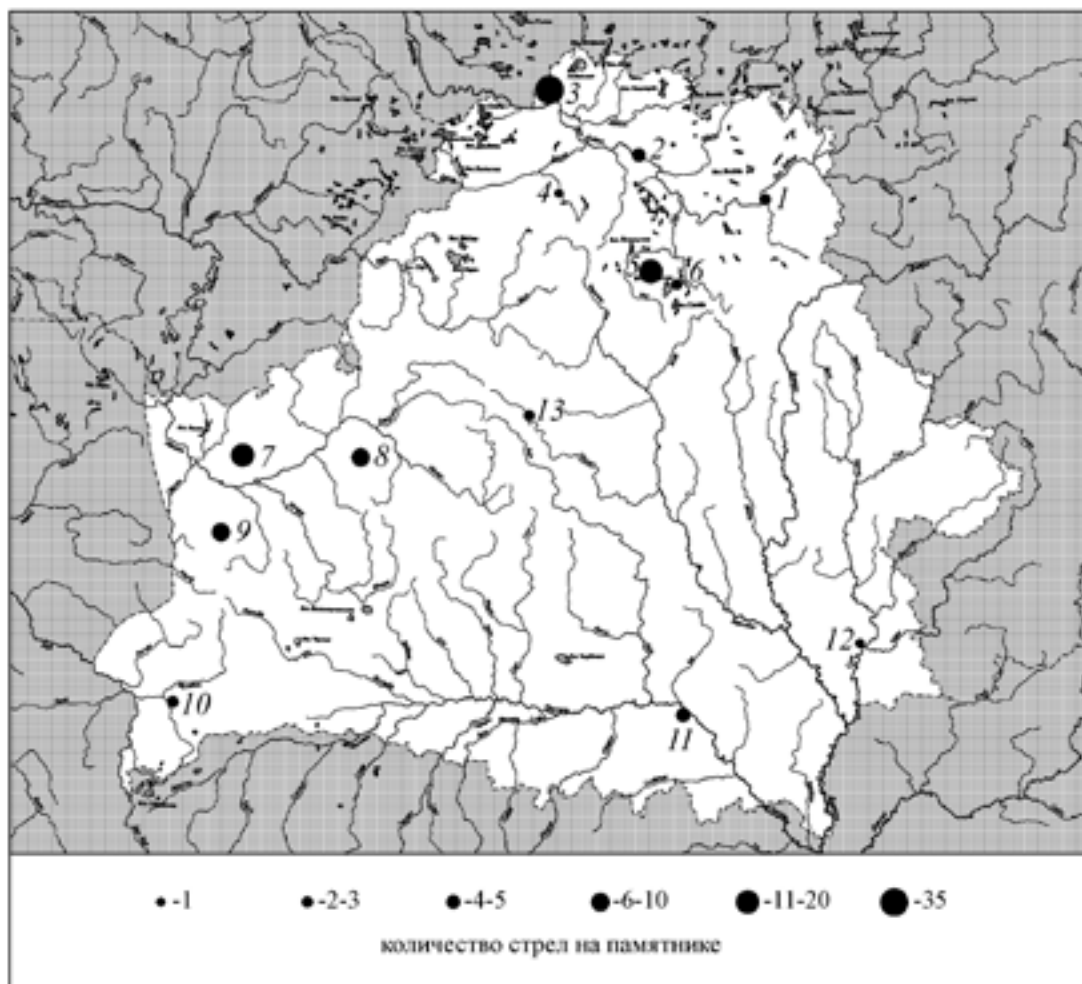
Рис. 3. Оружие североевропейских типов из западных земель Руси:
1 – Заславль, 2 – Проклятое Поле под Лукомлем, 3 – Рацкий Бор, 4 – Устье,
5–6 – Кульбачино (1–2 – по Г.В. Штыхову, 3–4 – рис. автора, 5–6 по С.А. Пивоварчику)

ния ланцетовидные наконечники стрел широкого применения не получили. Однако связать катастрофические события, фиксируемые археологически по выпадению данного типа стрел, с конкретными историческими фактами, известными по летописям, пока представляется затруднительным.

На вторую половину – конец X в. приходится и широкое распространение на территории Беларуси топоров типов III и IV по А.Н. Кирпичникову. Данные топоры, вероятно, могут рассматриваться

как собственно древнерусские типы оружия, сформировавшиеся на территории Руси.

Узколезвийные топоры типа III (Кирпичников, 1966 б, с. 35–36), скорее всего, появились в среде романского и лука-райковецкого славянского населения Среднего Поднепровья. Со второй половины – конца X в. боевые топоры типа III распространяются в Среднем и Верхнем Поднепровье, а на протяжении XI в. они используются как в Поднепровье (в широком смысле), так и во всех древнерусских регионах,



1

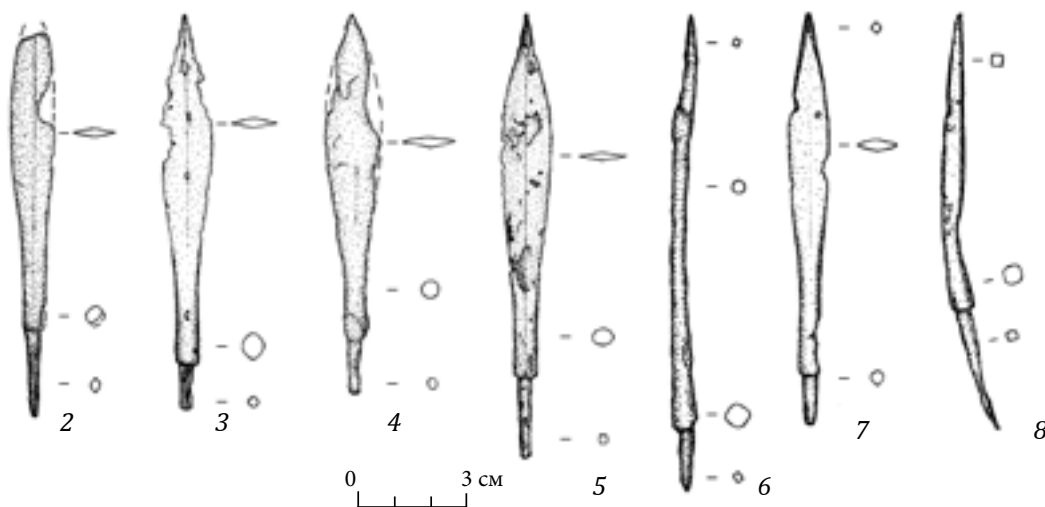
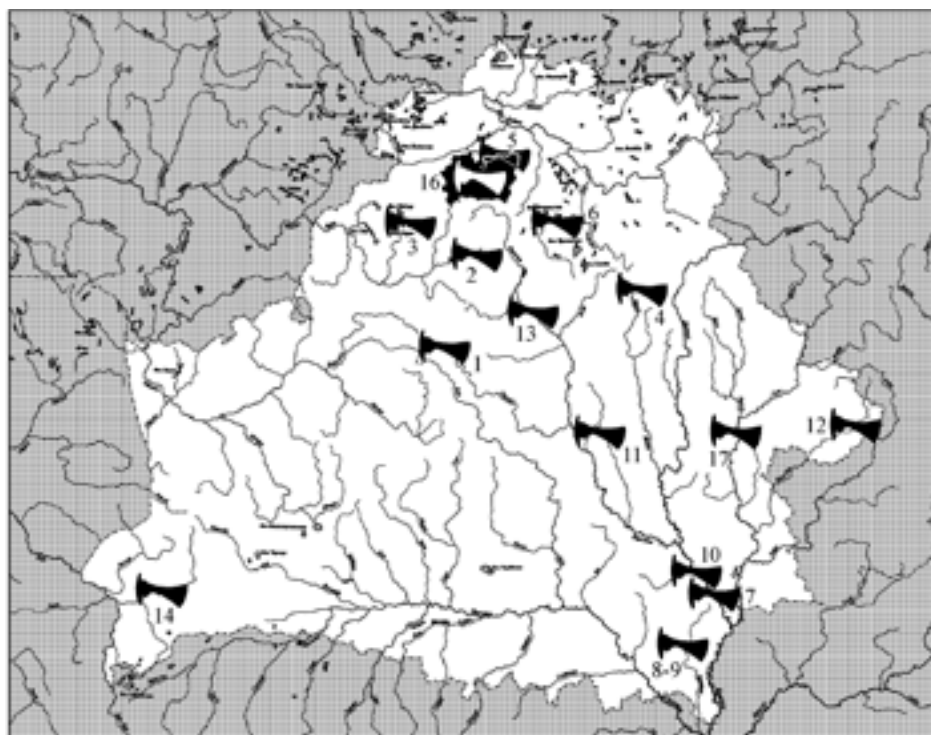


Рис. 4. Находки ланцетовидных наконечников стрел в западных землях Руси:
 1 – карта находок (1 – Витебск, 2 – Полоцк, 3 – Прудники, 4 – Свила-1, 5 – Лукомль, 6 – Кастрица,
 7 – Кульбачино, 8 – Новогрудок, 9 – Волковыск, 10 – Франополь, 11 – Кимборовка, 12 – Гомель, 13 – Минск),
 2-8 – ланцетовидные наконечники стрел из археологического комплекса Прудники
 (1 – по В. А. Плавинскому, 2-8 – рис. автора)

определенным образом маркируя собой границы Руси. Наиболее вероятно, что именно из южных регионов Руси топоры типа III проникли в Центральную и Северную Беларусь (рис. 5). Возможными путями их распространения были водные артерии – Днепр и Березина (Plavinski, 2011).

Образцы *типа IV* достигают порядка 50% топов древнерусского времени в западных землях Руси

(рис. 6), а в XI в. они составляют абсолютное большинство находок. Распространение данного типа топоров приходится на X в., вероятно, на его вторую половину. Находки топоров типа IV концентрируются вдоль западных границ Полоцкого княжества – в Двинско-Неманском междуречье, а также в Понеманье, где они соответствуют границам славянского расселения. Еще ряд находок выявлен в Среднем



1

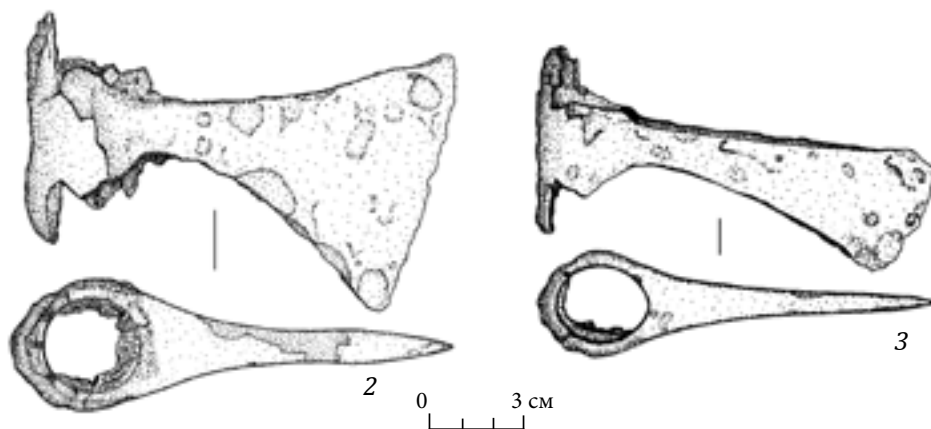


Рис. 5. Находки топоров типа III по А. Н. Кирпичникову в западных землях Руси: 1 – карта находок

(1 – Заславль, 2 – Избище, 3 – Новосёлки, 4 – Багриново, 5 – Черневичи, 6 – Княгинки (Заболотье), 7 – Холмеч (Дубовицы), 8–9 – Микуличи, 10 – Гориводы, 11 – Кострицкая слобода, 12 – Хотимск, 13 – Борисов (?), 14 – Санаторий «Буг», 16 – Глубокский р-н, 17 – Гайшин);
2 – курганный могильник Новосёлки (Мядельского р-на);
3 – курганный могильник Избище (Логойского р-на) (рис. автора)

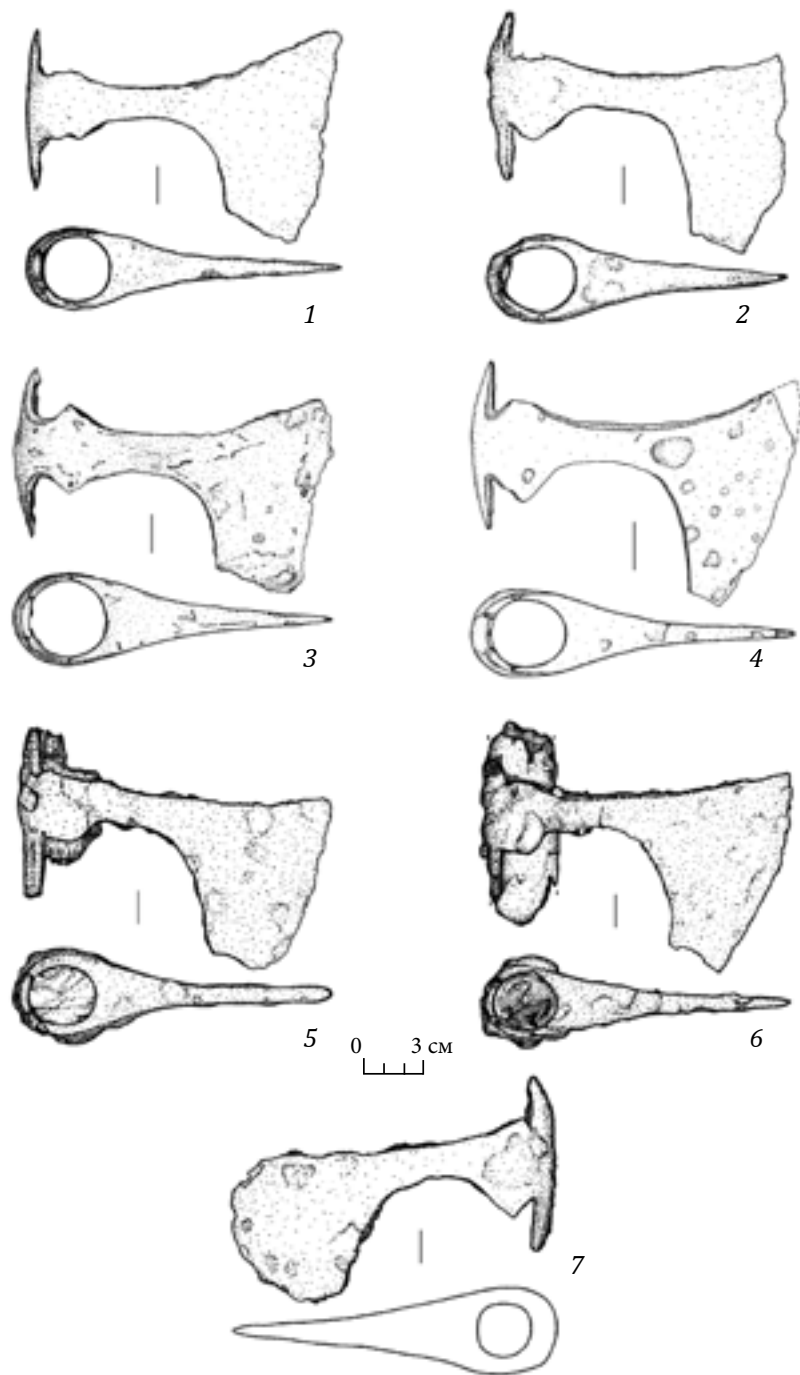


Рис. 6. Топоры типа IV по А. Н. Кирпичникову из курганных могильников на западном пограничье Полоцкой земли: 1–4 – Новосёлки (Мядельского р-на), 5–6 – Погоща, 7 – Укля (Браславского р-на) (рис. автора)

и Верхнем Поднепровье (Плавинский, 2013, с. 29). Вопрос о месте возникновения топоров типа IV пока остается нерешенным (Кирпичников, 1966б, с. 36–37). Однако южное направление его проникновения на территорию западных земель Руси представляется наиболее вероятным. Причем основными путями их распространения могли также быть Днепр и Березина. Таким образом, именно эти водные артерии можно рассматривать как основные пути проникновения собственно древнерусских форм обухового оружия на территорию Беларуси.

Отдельную немногочисленную группу составляют предметы вооружения степного происхождения. Изначально степное происхождение имеют боевые топоры с молотковидным выступом на обухе – чеканы. Однако в X в. их уже следует рассматривать как элемент собственно древнерусского комплекса вооружения, глубоко укоренившийся в воинский обиход Руси (Кирпичников, 1966б, с. 35). Большинство подобных находок в западных землях Руси выявлено в Поднепровье. Следует отметить, что распространение сабель на территории современной Беларуси в X–XI вв. на данный момент уверенно не фиксируется. Вместе с тем не исключено, что на юго-востоке региона – в Поднепровье и Посожье – отдельные сабельные клинки использоваться все-таки могли (Плавинский, 2009, с. 49).

Имеющийся материал позволяет говорить о том, что на протяжении X в. на территории западных земель Руси распространяются типы вооружения дружинного круга, причем наиболее активно этот процесс фиксируется со второй половины X в. Одной из заметных особенностей комплекса вооружения западных земель Руси, в сравнении с основными центрами формирования древнерусской государственности, представляется ограниченное число предметов вооружения северо-европейских типов.

Однако наиболее ярко военные технические особенности региона проявились в широком распространении отдельных типов оружия ближнего боя, происхождение которых

следует связывать с Юго-Восточной Прибалтикой. По имеющимся данным, этот процесс фиксируется с приблизительно со второй половины – конца X в.

Так с конца X в. на территории Беларуси распространяются топоры *tipa IVA* по А. Н. Кирпичникову (рис. 7). Они имели сходную с типом IV форму лезвия, однако различались профилировкой обуха. Топоры типа IVA имели обух без щекавиц и обушных косиц (Кирпичников, 1966 б, с. 37). В Юго-Восточной Прибалтике данный тип появляется раньше, чем на Руси. В Литве топоры типа IVA, вероятно, известны уже в X в. (Michelbertas, 2004, p. 106, 109, pav. 65, 71), по крайней мере, в его конце (Iwanowska, 2006, s. 108–109, tabl. LXXIV: 9). Они также представлены на памятниках, датированных концом X в., на территории Латвии (Atgāzis, 1964, lpp. 124; 1997, att. 5; Радиньш, 2001, с. 110). В западных землях Руси наиболее ранние топоры данного типа появляются синхронно с названными регионами. Они происходят из погребальных комплексов конца X – начала XI в., в частности, найдены в курганных могильниках Погоща Браславского р-на (Плавинский, 2011, мал. 5: b, e), Черневицы Глубокского р-на (Голубович, Голу-

бович, 1945, рис. 54: 9). Большинство известных находок происходит с балто-славянского пограничья в Двинско-Неманском междуречье. Ряд топоров известен на Понеманье. Примечательно, что чем далее на восток или юг древнерусских земель, тем менее там известно находок топоров типа IVA (Плавинский, 2013, с. 30–31).

Среди копий X – первой половины XI в. из западных земель Руси как балтские формы могут рассматриваться только отдельные находки наконечников *tipa IV* по А. Н. Кирпичникову (Кирпичников, 1966 б, с. 15; Плавинский, 2013, с. 50). Вместе с тем, как уже было отмечено, топография находок ланцетовидных наконечников копий с неорнаментированной втулкой (рис. 8: 1) свидетельствует о значительной роли балто-славянских военно-технических контактов в их распространении на западном пограничье Полоцкой земли.

С середины XI в. в западных землях Руси начинают распространяться мечи *типов I и II* по А. Н. Кирпичникову (Кирпичников, 1966 а, с. 53–54). Оба эти типа имеют юго-восточно-прибалтийское происхождение и в определенном смысле, продолжают

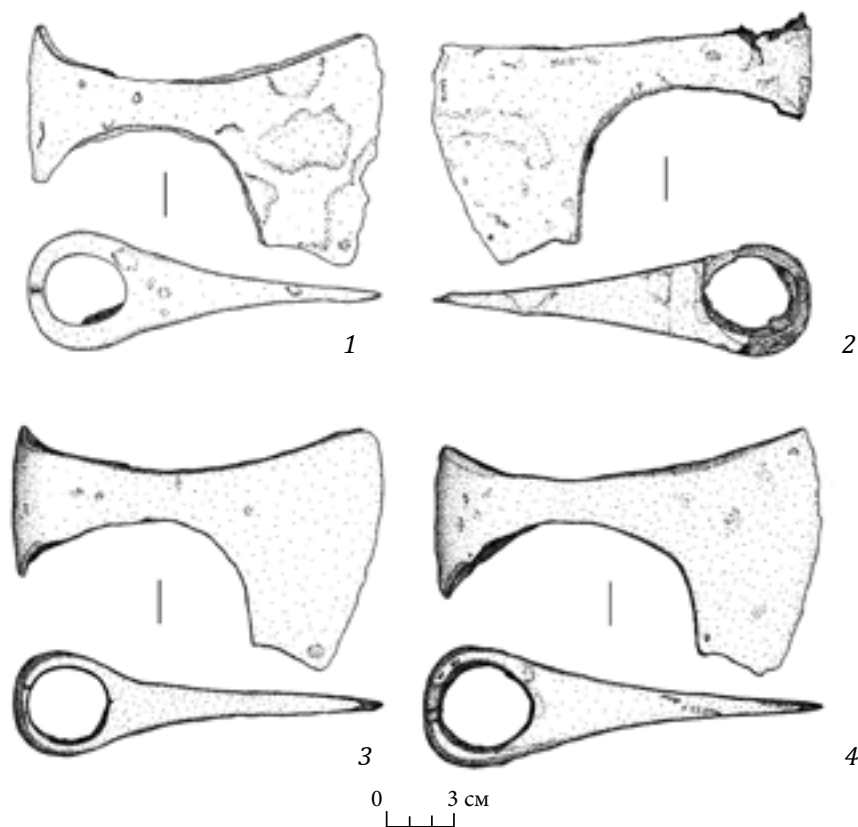


Рис. 7. Топоры типа IVA по А. Н. Кирпичникову из курганных могильников на западном пограничье Полоцкой земли: 1 – Новосёлки (Мядельского р-на), 2 – Устье (Браславского р-на), 3 – Костыки (Вилейского р-на), 4 – Вейна (Лагойского р-на) (рис. автора)

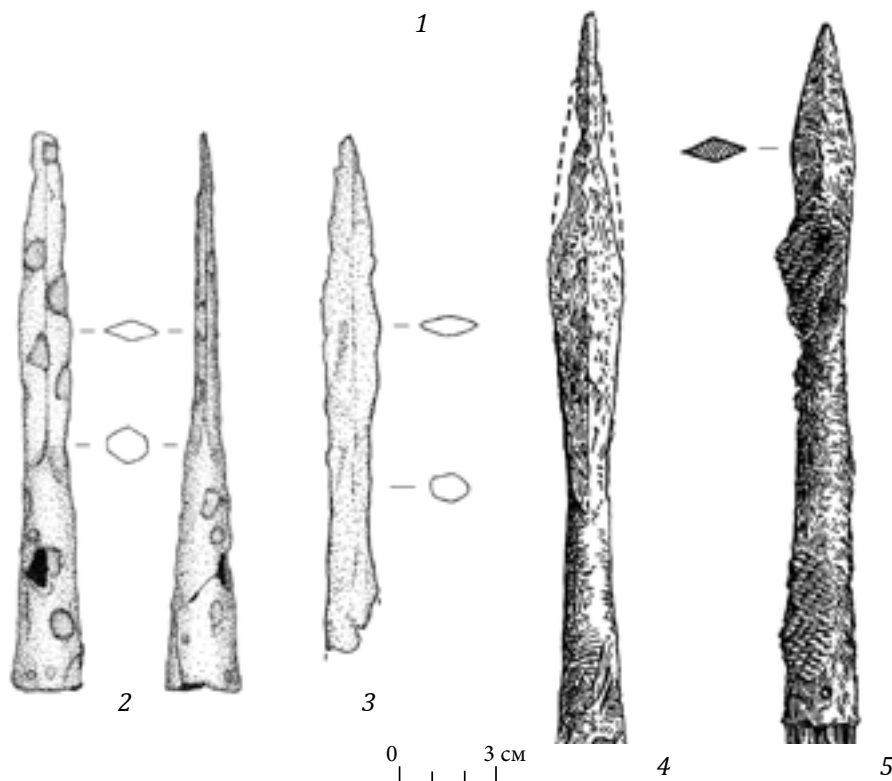
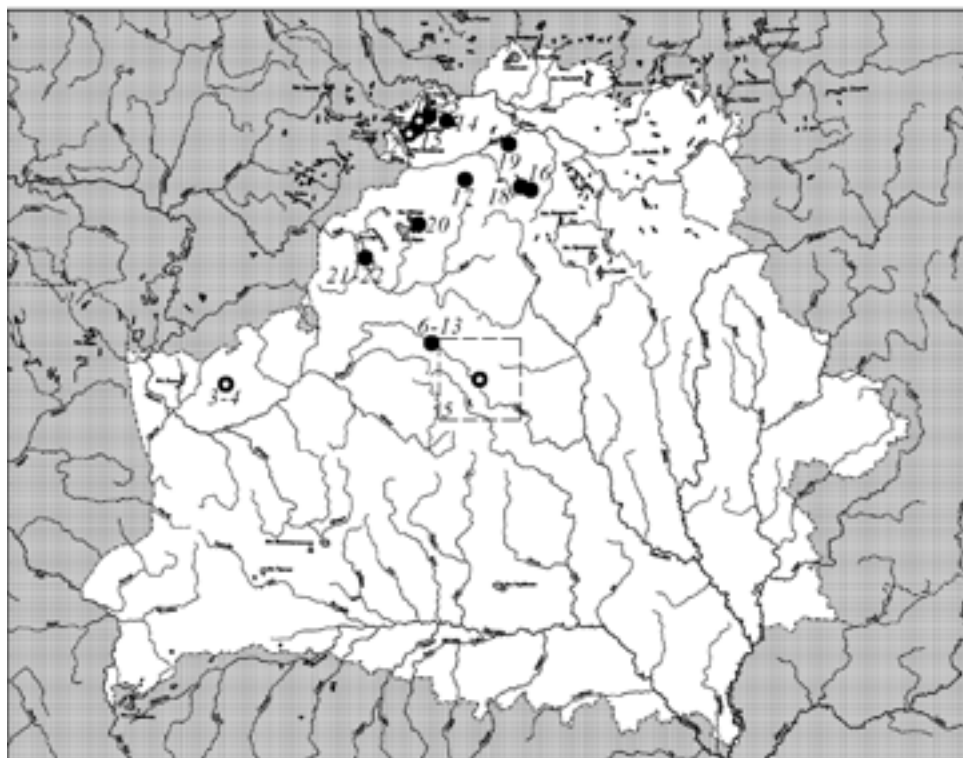


Рис. 8. Находки наконечников копий типа I на территории Беларуси: 1 – карта находок (1 – Рацкий Бор, 2 – Устье, 3–4 – Кульбачино, 5 – окрестности Минска, 6–13 – Заславль, 14 – Укля, 15 – Погоща, 16 – Кубличи, 17 – Залесье, 18 – Шо, 19 – Козловцы, 20 – Новосёлки, 21–22 – Гурковичи, 23 – Заборные Гумна), 2–5 – курганный могильник Заславль (1–3 – рис. автора, 4–5 – по А.Н. Лявданскому)

традиции производства клинкового оружия эпохи викингов. Вместе с ними начинает распространяться целый ряд типов наконечников ножен, первоначально появившихся в юго-восточной части балтийского региона (Плавинский, 2009, с. 19–23, 39–46).

Влиянием балтских военно-технических традиций также следует объяснять и широкое распространение в западных землях Руси дротиков разных типов, в том числе одношпильных и двушпильных черешковых. Эта тенденция наиболее ярко проявилась в последующее время – в XII–XIII вв., когда дротики заняли заметное место в комплексе вооружения западнорусского населения (Плавинский, 2013, с. 56). Однако достаточно часто дротики встречаются уже на памятниках конца X–XI в.

Таким образом, древнерусские военно-технические традиции распространяются на территории Беларуси на протяжении X в., а особенно интенсивно во второй его половине. Очевидно, что комплекс

вооружения, как и дружинная субкультура в целом, распространяются в западных землях Руси в уже сформированном виде. Поэтому отдельные предметы вооружения североевропейского или степного происхождения, найденные в регионе, следует рассматривать не только и не столько как отражения соответствующих направлений военно-технических контактов, сколько сквозь призму процессов формирования собственно древнерусского комплекса вооружения.

Практически сразу же древнерусский комплекс вооружения стал испытывать достаточно заметное влияние балтских военно-технических традиций, что отразилось на всех видах оружия ближнего боя. Именно активные славяно-балтские контакты в области военной техники предопределили региональные особенности и своеобразие комплекса вооружения западных земель Руси во второй половине XI–XIII вв.

Источники и литература

Артемьев А.Р., 1982. Копья из раскопок в Изборске // КСИА. Вып. 171. М.

Голубович В., Голубович Е., 1945. Славянские поселения правобережной Дисны в Вилейском округе БССР // КСИИМК. Вып. XI. М.; Л.

Дернович С.Д., 2006. Скандинавские древности эпохи викингов в Беларуси. Минск.

Енуков В.В., 1990. Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей (по археологическим материалам). М.

Каинов С.Ю., 2009. Наконечники ножен мечей из Гнёздова // Acta Militaria Medievalia. T. V. Kraków; Sanok.

Кирпичников А.Н., 1966а. Древнерусское оружие. Вып. 1: Мечи и сабли IX–XIII вв. М.; Л. (САИ. Вып. Е1–36).

Кирпичников А.Н., 1966б. Древнерусское оружие. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. М.; Л. (САИ. Вып. Е1–36).

Кирпичников А.Н., 1971. Древнерусское оружие. Вып. 3: Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. Л. (САИ. Вып. Е1–36).

Кухаренко Ю.В., 1961. Средневековые памятники Полесья. М. (САИ. Вып. Е1–57).

Лебедев Г.С., 1991. Этюд о мечах эпохи викингов // Клейн Л.С. Археологическая типология. Л.

Лухтан А., Ушинская В., 1988. К проблеме становления Литовской земли в свете археологических данных // Древности Литвы и Белоруссии. Вильнюс.

Ляўданскі А.Н., 1930. Археолёгічныя досьледы ў Полацкай акрузе // Працы археолёгічнай камісіі. Т. II: Запіскі аддзелу гуманітарных навук Беларускай акадэміі навук. Кн. 11. Мінск.

Петерсен А., 2005. Норвежские мечи эпохи викингов: топохронологическое изучение оружия эпохи викингов. СПб.

Плавинский В.А., 2013. Ланцетовидные наконечники стрел с территории Беларуси // Археология и история Пскова и Псковской земли: материалы 58 заседания. М.; Псков.

Плавинский Н.А., 2008. Оружие североевропейских типов в комплексе вооружения Полоцкой земли X–XI вв. // XVI конференция по изучению Скандинавских стран и Финляндии: материалы конференции. Ч. I. М.; Архангельск.

Плавінскі М.А., 2007. Ланцэтападобныя наканечнікі коп'яў на тэрыторыі Беларусі: храналогія і тапаграфія знаходак // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Вып. 14. Мінск.

Плавінскі М.А., 2009. Нарысы гісторыі клінковай зброі X–XIII стагоддзяў на Беларусі. Мінск.

Плавінскі М.А., 2011. Насельніцтва Браслаўскага Паазер'я ў другой палове I – пачатку II тысячагоддзя н.э. (па матэрыялах пахавальных помнікаў) // Гістарычна-археалагічны зборнік. Вып. 26. Мінск.

Плавінскі М.А., 2013. Узбраенне беларускіх земляў X–XIII стагоддзяў. Мінск.

Радиньш А., 2001. Погребальный обряд и инвентарь латгальских захоронений 10–13 веков // Archaeologia Lituana. № 2.

Седин А.А., 2011. Предметы вооружения из городища Никодимово // Acta Archaeologica Albaruthenica. Vol. VII. Минск.

Штыхаў Г.В., 1992. Крывічы: па матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі. Мінск.

Штыхаў Г.В., 2000. Полацкія крывічы // Археалогія Беларусі. Т. 3: Сярэднявеквы перыяд (IX–XIII ст.). Мінск.

- Штыхаў Г.В., 2008. Курганны могільнік Ізбішча-Дзвінаса // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Вып. 16. Мінск.
- Штыхов Г.В., 1975. Древний Полоцк (IX–XIII вв.). Минск.
- Штыхов Г.В., 1978. Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.). Минск.
- Atgāzis M., 1964. Latgaļu 9.–12. gs. Cirvji // Arheologija un etnogrāfija. № VI.
- Atgāzis M., 1997. Āvas cirvji Latvijā // Arheologija un etnogrāfija. № 19.
- Iwanowska G., 2006. Cmentarzysko kurhanowe w Żwirblach pod Wilnem. Wprowadzenie w problematykę : katalog. Warszawa.
- Kainov S., 2012. Swords from Gnėzdovo // Acta Militaria Medievalia. T. VIII. Kraków; Sanok.
- Kazakevičius V., 1998. Military Aspects of Baltic Tribes in the Iron Age. Summary of the research report presented for habilitation, humanities, 05 H History. Vinius.
- Kazakevičius V., 1999. Dėl E tipo ietigalių ornamentuotomis įmovomis chronologijos ir kilmės // Archaeologia Litwana. Vol. I. Vilnius.
- Kurila L., 2005. Lietuvių etninė riba rytuose IX–XII a. (1. Archeologijos duomenys) // Lietuvos Archeologija. T. 27. Vilnius.
- Michelbertas M., 2004. Pajusčio pilkapinas. Vilniaus.
- Plavinski M. Axes with the Narrow Blade and Profiled But from the territory of Belarus // Cum Arma et Aeva. Uzbrojienie indywidualne na przestrzeni dziejów. Toruń.

Summary

M. A. Plavinski

Weaponry in the Western Lands of Rus' in the 10th and Early–11th Centuries: the Emergence of a Medieval Rus' Tradition and Regional Features (Based on materials from the Territory of Belarus)

This article is an attempt to examine how the range of weaponry used by the population of the western lands of Rus' took shape. By "western lands of Rus'" we mean the modern territory of Belarus apart from the part of the Neman valley in Belarus which was inhabited by Balts in the period under discussion.

Medieval traditions regarding military techniques spread through the western lands of Rus' during the 10th century and particularly intensively in its second half. It is clear that the range of weaponry, as indeed the military sub-culture as a whole, spread to the western lands of Rus' in an already well-developed form. For this reason certain pieces of weaponry of a North-European or steppe origin found in this region should be regarded

not only or not so much as reflections of similar trends among military-technical contacts but approached through the prism of the formative processes underway when medieval Russia's own range of weaponry was taking shape.

Almost from the outset the range of weaponry in medieval Rus' was strongly influenced by the Balts' traditions with regard to military technology. This can be seen in almost all types of weapons for close combat. It was precisely the existence of contacts between Slavs and Balts in the sphere of military techniques that pre-determined the regional features and distinctive characteristics of the range of weaponry used in the western lands of Rus' between the late-11th and 13th century.